

П. В. АННЕНКОВ о В. Г. БЕЛИНСКОМ

ПИСЬМА к А. Н. ПЫПИНУ 1874 г.

Публикация К. П. Богаевской

Анненков познакомился с Белинским в апреле 1840 г. на вечерах у их общего приятеля А. А. Комарова. Знакомство это скоро перешло в дружбу, продолжавшуюся до конца дней Белинского. Характерно, что последнее письмо умирающего Белинского, продиктованное им 15 февраля 1848 г. и еще полное литературных интересов, адресовано Анненкову (Б е л и н с к и й, т. XII, стр. 465—468 *). Эти два таких различных и по убеждениям, и по темпераменту деятеля сороковых годов были тесно связаны между собою чувствами глубокой любви и дружбы. «Бесценный человек», «я очень люблю этого милого человека», — писал Белинский еще в 1840 г. Боткину вскоре после знакомства с Анненковым (XI, 530, 554). Когда тяжело больному Белинскому в 1847 г. понадобилось ехать для лечения в Зальцбрунн, Анненков самоотверженно отказался от заманчивого путешествия в Грецию и Турцию, чтобы жить с ним в скучной Силезии. Здесь Анненков провел все нужное для лечения время с больным другом и оказался волею судьбы единственным свидетелем создания знаменитого письма Белинского к Гоголю. Эта совместная жизнь в Зальцбрунне еще более сблизила их. На обратном пути из Берлина Белинский писал Анненкову: «...крепко, крепко жму вам руку и говорю мое горячее дружеское спасибо за всё, что вы делали для меня» (XII, 403). Больше встретиться им не привелось. «Я уже знал, что Белинский умер, совершенно замученный жизнью. Он много унес у меня...», — сокрушался Анненков в письме к брату из Парижа в июле 1848 г. («Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 198).

Когда первый биограф Белинского А. Н. Пыпин задумал монографию о великом критике, он обратился ко всем лицам, его знавшим, с просьбой доставлять ему письма Белинского и воспоминания о нем. На просьбу Пыпина отзывались такие крупные писатели, как Тургенев и Гончаров, множество литературных деятелей и просто знакомые Белинского (об этом см. в сообщении Т. К. Ухмыловой — «Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 303—318). Одним из наиболее значительных участников в монографии Пыпина оказался Анненков.

В «Литературном наследстве» Т. К. Ухмыловой опубликованы письма Пыпина к Анненкову за период 1874—1875 гг. До сих пор о содержании ответов последнего приходилось лишь догадываться. Теперь нами найдены все ответные письма Анненкова.

Для самого Анненкова знакомство с Пыпиным оказалось исключительно плодотворным: Пыпин побудил его написать самое выдающееся из его произведений — «Замечательное десятилетие. 1838—1848» — один из интереснейших мемуарных памятников эпохи «сороковых годов» (впервые напечатано в «Вестнике Европы» 1880 г.).

Обнаруженные письма Анненкова — ценное дополнение к его воспоминаниям. Касаясь иногда тех же вопросов, что и в своих мемуарах, Анненков в частных письмах освещает многое гораздо богаче и откровеннее, чем в печати (в частности, взаимоотношения Белинского с Бакуниным, Боткиным, Катковым и Некрасовым, историю публикации его статьи о «Воспоминаниях» Булгарина и многое другое).

Публикуются письма (иногда с пропусками строк, не имеющих отношения к Белинскому) по автографам из архива Пыпина (ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 255).

* При дальнейших ссылках на это издание указываются только том и страницы.

2 февраля н. с. 1874 г. Ницца.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Письмо ваше застало меня больным, но отвечаю немедленно¹. Никто более меня не может сочувствовать вашему намерению приступить к биографии Белинского и никто не расположен более способствовать вам в этом деле всеми зависящими от меня средствами. Письменного материала от Белинского осталось у меня немного — всего два письма от 1847 г., когда он вернулся из Зальцбрунна и Парижа в Россию. Оно и понятно — мы жили в одном городе, а при отлучках моих за границу он вовсе не писал, зная, что в порядках того времени письма составляли на иностранной нашей почте нечто в роде открытых нынешних писем, где только излагаются пустяки. Характер величайшей сдержанности лежит и на тех двух письмах, но они все-таки крайне любопытны, так как в них он является противником, чем впрочем всегда и был, федеративных начал в русской и славянской жизни, а начала эти были тогда впервые подняты на мало-российской почве пропагандой Шевченко и Кулиша, о которой он и сообщает кой-какие известия. Но вот вопрос, — как передать вам этот небольшой остаток его корреспонденции со мной. Письма остались у меня в Петербурге и притом запрятанные так, что только я один могу их найти в хламе других бумаг. Если летом мне придется узреть берега Невы, то дело сделается скоро, но так или иначе я даю вам слово, что они будут в ваших руках непременно².

Затем остается материал *не-письменный*; как с тем быть? А он, как мне думается, тоже не мало важен для биографа — во-первых, для уразумения самой личности этого замечательного человека, а во-вторых, для ясного представления тех поводов, которые приводили его к изменению своих мыслей и направлений и которые все остались *позади* его статей и выражены им были частью в письмах, но в большей мере в беседах с своим кругом и с друзьями. Изложить на бумаге сущность этих бесед, значит написать целый том, приниматься за настоящую биографию. Для меня лично это дело невозможное. Остается устная передача той части воспоминаний, которую я сохранил от этих долгих конференций с Белинским, но как же ее устроить, если по лету я не попаду в Петербург и если никто из ваших друзей, знакомых с нужными вам вопросами и разъяснениями, не будет за-границей, где мы бы могли устроить нечто вроде съезда. Придумайте, многоуважаемый Александр Николаевич, какую-нибудь комбинацию в подобном роде, которая облегчила *⟨бы⟩* мне возможность исполнить то, что я считаю своим долгом. В половине мая я уже буду жить в Баден-Бадене.

Вы спрашиваете — не полюбопытствую ли я узнать перечень собранных вами материалов для биографии? Сообщением такого перечня вы дали бы мне, может быть, возможность указать на источники и документы, не бывшие у вас в виду, и освежили бы мои собственные воспоминания...

¹ Первое письмо Пыпина к Анненкову из Петербурга датировано 14 января 1874 г. Рассказав в нем о задуманной монографии Белинского, Пыпин писал: «Я давно уже имел в виду обратиться и к вашему содействию, но чтобы не обращаться к вам с одними предложениями, я хотел сделать это, уже собравши другой запас. Теперь я отчасти владею им — и представляю вам свою просьбу помочь мне в этом деле и тем письменным материалом, какой у вас предполагаю, и вашими личными воспоминаниями, и, наконец, другими указаниями и добрым советом» («Лит. наследство», т. 57, 1951, стр. 304—305).

² Речь идет о двух письмах Белинского к Анненкову от 20 ноября — 2 декабря и без даты (от начала декабря) 1847 г. (XII, 423—431, 436—442.— Автографы хранятся в ИРЛИ). Письма эти Пыпин использовал в монографии о Белинском («Вестник

Европы», 1875, № 5, стр. 176—178, 183—186). Во втором из упомянутых писем Белинский рассказывает Анненкову о подготовке освобождения крестьян в России и об усилении цензурного гнета, вызванного выходом в свет «Повести об украинском народе» П. А. Кулиша, в журнале «Звездочка» 1846 г. (№№ 1—2, 4—7). Белинский, получивший неверную информацию о «Кирилло-Мефодиевском братстве», резко и несправедливо отзываясь в этом письме о Шевченко (подробнее см. в комментариях — XII, 571).

Кроме названных писем, в бумагах Анненкова сохранилось еще три письма Белинского — одно, посланное перед отъездом критика за границу (от 1/13 марта 1847 г.), другое — на обратном пути его из Берлина (от 17/29 сентября 1847 г.) и третье — написанное под диктовку умирающего Белинского его женой (от 15 февраля 1848 г.). Все эти письма, проникнутые литературными интересами, тогда же попали в руки Пыпина и были им процитированы в его монографии («Вестник Европы», 1875, № 5, стр. 161—162, 174—175; № 6, стр. 550—554).

2

26 февраля н. с. <1874 г.> Ментон.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Последнее ваше письмо¹ меня порадовало известием о том, что принятый вами труд не имеет крайне спешного характера, что дает мне возможность исполнить посильно и мой долг относительно вас и дорогой памяти Белинского, как исполнили его Кавелин и Гончаров и как, вероятно, исполнил его еще и многие другие². Будет ли это сделано с моей стороны в форме отдельной записки или вы позволите мне просто беседовать с вами о занимающем нас предмете — это все равно, так как в обоих случаях вы возьмете, что можно взять (если таковое найдется) к сведению, а остальное бросите в корзину — и делу конец. Богатство собранного вами материала биографического тоже весьма утешительно. Кажется к нему нечего и прибавить, если только еще не порасспросите некоего Чистовича (он знаком Галахову и состоял прежде инспектором классов, кажется, в Воспитательном доме), бывшего товарищем Белинского по Университету³. О том, что в одном из своих разборов (первые части сочинений Белинского) — Белинский сам дал описание родительского дома и его обстановки⁴ — вам, конечно, нечего указывать.

С нетерпением ожидаю мартовской книжки «Вестника Европы»⁵. Не может быть сомнения, что первая статья уже даст предчувствие серьезности и значения предмета, о котором много будет говориться впоследствии.

Белинский рассказывал мне, что в детской ссоре с братом он однажды был невинно оскорблен отцом, не разобравшим в чем дело⁶. Неправедливость эта, по словам Белинского, смутила его как какая-то невозможность и пробудила его внимание к словам и поступкам старших вообще. А вышло из этого, — прибавлял Белинский, — что я был страдающим ребенком, хотя меня никто особенно не притеснял. Анекдот, конечно, пустой, но он характеризует восприимчивость Белинского, за которой сейчас следовала у него деятельность мысли. Так было во всей последующей его жизни. Ничего не пропадало даром, лишь только коснулось его чувств и мозга, ничего не оставлялось им без разбора из встреченного на пути и ничего не проносилось мимо, не прорезав следа на его уме и воображении. Оттого в истории его развития важную роль играет, кроме логического рода мысли, еще масса впечатлений, гнетущих или раздражающих (других у него не было), которые он переживал. Самый *щекотливый* период его деятельности представляют года 1839 и начало 40-го⁷. Не подлежит сомнению, что вы разъясните до корней происхождение этого явления, как уже и прежде сделали для романтизма вообще. Но кроме романтизма, Гегеля, афоризма: что действительно, то и разумно, был еще и другой агент этого настроения, именно М. А. Бакунин, как комментатор первых

трех агентов. Известно, что он изобрел или перевел варварское слово: «прекраснодушные» для иронического обозначения личного, не философского протеста; менее известно, что в это время Бакунин был благочестивый, религиозный, *Nocturno* и *Sonato* * — страстный человек⁸. Белинский влюбился в его сестру (в другую был влюблен В. Боткин) и сам говорил, что проводил ночи в слезах. Нет причины скрывать эту комическую подробность от биографа, который *все* должен знать. Лето 1837 г. Белинский даже жил в Тверской губ., где находилось имение Бакуниных⁹ (Лажечников напечатал где-то свои воспоминания о знакомстве с Белинским в Твери¹⁰). Замечательно не менее всего другого то, что мы не имеем за 1837 г. ни одной строки от Белинского, если не обманывает меня память¹¹. Содержание бесед между Белинским и Бакуниным, при всех этих данных, угадать не трудно. Позволяется думать, что под покровом обретенной ими философской доктрины они искали тогда покоя и простора для своих задушевных чувствований и мечтаний, не хотели смущаться внешним миром и, чтоб раз навсегда покончить с ним и общественным строем, провозгласили их образцовым делом истории. Это тоже своего рода устранение предмета, как и критика. Притом же Бакунин, по неизбежному действию диалектической способности, развитой на счет всех других, и тогда доводил всякое настроение до тех столбов, когда оно перестает им быть, а делается острой манией. Плодом этого взаимного нервного возбуждения, в котором Бакунин играл все-таки роль магнетизера, были известные статьи Белинского в «Отечественных записках»¹². Однако же и тот, и другой ужаснулись почти тотчас же, как они были написаны, и отпрянули от них каждый в свою сторону. Магнетизер уехал в 1840 г. за границу. Белинский остался дома, совершенно убитый, каким я его видел в Петербурге осенью 1840, когда тоже поехал в первое мое заграничное странствование¹³. О надежде обрести в лоне идеи блаженное спокойствие духа и говорить нечего. Каким спокойствием наслаждался Белинский с 1840 до своей смерти, вы знаете, а Бакунин только в прошлом 1873 году напечатал в «*Journal de Genève*» приглашение Марксу и своим противникам вообще оставить его в покое, так как по болезни сердца, ведущей его, несомненно, к гробу, он отказывается от всякой политической деятельности.

Мне совестно, что я разболтался о том, что вам известно не хуже моего, но вы подняли своим письмом образ человека, некогда, могу сказать, страстно любимого мною, и я ухватился за первую черту, которая попала под руку, чтобы поговорить о нем...

¹ Письмо Пыпина к Анненкову от 1 февраля 1874 г. в большей своей части опубликовано в «Лит. наследстве», т. 57, 1951, стр. 305—306.

² К. Д. Кавелин, по просьбе Пыпина, написал воспоминания о Белинском. Первые (с датой: 6 февраля 1874 г.) опубликованы в Собр. соч. Кавелина (СПб., <1899>), т. III, стб. 1081—1098). До этого Пыпин использовал их в своей монографии.

И. А. Гончаров также адресовал Пыпину 29 апреля 1873 г. статью в форме письма «Как я понимаю личность Белинского». Однако из-за болезненной мнительности Гончарова, возражавшего против публикации, Пыпину не удалось использовать в монографии этих воспоминаний. Гончаров обнародовал их только в 1881 г. в книге «Четыре очерка». Переписка Гончарова с Пыпиным, посвященная воспоминаниям, хранится в ИРЛИ. Два письма Гончарова 1874 г. к Кавелину и Пыпину на эту же тему напечатаны М. И. Маловой в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 257—269.

2/14 марта 1874 г. Анненков делился с Тургеневым: «Пыпин завязал со мной переписку по поводу Белинского. Он и к вам пишет, обратился за сведениями о нем. Надо сказать все, что у нас есть за душой, ибо биография Белинского не могла попасть в лучшие руки» (неизд.— ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 10. Вся дошедшая до нас переписка Тургенева с Анненковым — 760 писем за 1852—1883 гг.— готовится полностью к печати в одном из ближайших томов «Литературного наследства»).

* ночной и звучащий (франц. и итал.).

⁸ Анненков называет Чистовичем — Михаила Борисовича Чистякова (1809—1885), известного писателя-педагога, товарища Белинского по «11 номеру». Окончил Московский университет в 1832 г.; впоследствии был инспектором школ Сиротского института в Петербурге (см. о нем также: «Лит. наследство», т. 56, стр. 436).

⁹ Анненков, видимо, ошибся: ни в одной из известных нам ранних статей Белинского мы не нашли изображения его домашней обстановки.

¹⁰ В мартовской книжке «Вестника Европы» 1874 г. началось печатание монографии Пыпина «В. Г. Белинский». См. о ней далее.

¹¹ Вероятно, этот же случай рассказывает Герцен, со слов Белинского, в VI главе книги «О развитии революционных идей в России» (Герцен АН, т. VII, стр. 235).

¹² Под «щекоотливим периодом» деятельности Белинского Анненков разумеет период так называемого «примирения с действительностью».

¹³ О Бакунине и его отношениях с молодым Белинским см. статью В. Г. Березиной «Белинский и Бакунин в 1830-е годы». — «Ученые записки Ленингр. гос. университета», № 158, серия филолог. наук, вып. 17, 1952, стр. 34—86.

О термине «прекраснодушные», введенном Бакуниным, так же как и о его влиянии на Белинского, Анненков подробно рассказывает в своих воспоминаниях (гл. IV).

¹⁴ Белинский и В. П. Боткин были влюблены в одну и ту же сестру Бакунина, Александру Александровну (см. письма Белинского 1838—1840 гг. — т. XI). Белинский гостил в имении Бакуниных Премухине дважды: с конца августа до середины ноября 1836 г. и с 5 по 15 июля 1838 г.

¹⁵ Воспоминания И. И. Лажечникова (напечатанные в «Московском вестнике», 1859, № 17) в основном посвящены детским годам Белинского. Однако Лажечников упоминает о посещении его в имении Коноплино (находящемся неподалеку от Премухина) молодыми Бакуниными вместе с Белинским, вероятно, в 1836 г. (см. сб. «Белинский в воспоминаниях современников». М., 1948, стр. 23—24).

¹⁶ Мы, действительно, не знаем ни одной статьи или заметки Белинского 1837 г.

¹⁷ Известные статьи Белинского периода «примирения с действительностью» — «Бородинская годовщина» В. Жуковского, «Очерки бородинского сражения» Ф. Н. Глинки и «Менпель, критик Гёте», вызвавшие возмущение передовой общественности (см. о них: III, 624—625, 632—634, 638—647).

¹⁸ Бакунин уехал за границу осенью 1840 г. (см. Герцен АН, т. VII, стр. 355), а Анненков — 5 октября 1840 г. (Воспоминания Анненкова, гл. XI).

3

9/21 марта 1874 г. Ницца.

...Я прочел вашу статью с великим вниманием и, кроме интереса, представляемого новостью сведений об эпохе мало известной в жизни Белинского, нахожу лучшим ее качеством то, что она содержит намеки на его характер, как он развился впоследствии¹. Я, признаюсь, даже желал бы, чтобы вы дали себе гораздо более воли и свободы в обсуждении фактов, чем сколько их обнаруживаете, возложив на себя обет не удаляться от полученных свидетельств по сторонам. При малочисленности фактов обет этот вряд ли может быть сдержан без некоего ущерба для самой фигуры, которую факты должны освещать. Так я желал бы, например, чтобы превосходный ваш намек о причинах так называемой лености, малоуспешности Белинского в изучении точных наук и новейших языков, а также о страстной его любви к одной литературе и относительной пользе самого невнимания к другим сторонам образования для его мысли, — чтобы этот, говорю, прекрасный намек был проведен еще глубже. Странно и непристойно кажется мне самому давать вам советы и указания, но вы требовали, чтоб я не скрывал своих мыслей, хотя бы и вздорных. По вашей статье оказывается (и как я этому обрадовался), что Белинский и ребенком был тем же, чем мы его знали позднее. С ранних пор он хотел жить мысленно только на один свой *кошт*, так сказать (бывают такие самородки), и, конечно, не любил предметов, требующих полной, совершенной подчиненности себе, каковы языки и др. науки. Хорошо ли он делал — это другое дело. С ранних же пор (и опять благодаря вам) оказывается, что он искал в занятиях возможности немедленного вывода и заключения, приговора и умственного наслаждения, сопряженного с обретением их. То же было впоследствии. Он при мне говорил Каткову (1840) в Пе-

тербурге, когда тот настаивал на необходимости выучиться по-немецки: «Выучиться можно, но я никогда не буду хозяином в этом языке, а разве более или менее тупым батраком — сто́ит ли?» Кетчер передавал мне, что мысль о родовом начале в русской истории и образовании русского государства через простое нарастание принадлежит Белинскому и передана им К. Д. Кавелину². Можно спросить последнего — так ли это, но черта детства сказывалась у Белинского постоянно.

Не менее важный намек представляют и слова ваши о застенчивости Белинского в виду новых людей, застенчивости, которую он сам называл своей болезнью. Однако ж, несмотря на это непрерываемое свидетельство, можно еще поспорить или лучше поговорить о предмете. Застенчивость точно была, но такая, которая исключала всякую идею о помощи страдающему или о доброжелательном вмешательстве постороннего в его положение. При первых признаках того или другого, она неизвестно куда пропадала, а вместо нее являлось у Белинского просто самое развязное, иногда грозное слово. Самые одушевленные и свободные минуты его разговора именно являлись после такой застенчивости, как мне не раз случалось видеть. Сосредоточенность его тоже требует оговорки. Она опять существовала несомненно, но как подготовительный элемент для безгранично откровенного проявления всей своей мысли, ибо Белинский имел, по-моему, качества оратора или трибуна в высшей степени. Сосредоточенность его похожа на ипохондрию Гоголя и Мольера — это был материал творчества. По действию чисто ораторской, трибунской своей натуры Белинский был всегда весь налицо, на ладони, как говорится, и откровеннее его я не знавал человека³.

До будущего письма. Переписку Пушкина с Вяземским еще не мог здесь достать⁴. Но что это такое печатается у вас, в виде критики, под литерой А. в «Русском вестнике»? Я прочел ругательную статью на мою монографию о Пушкине, — и был изумлен открытием нового рода умов, собравшихся или имеющих собраться в передней Каткова. Это specimen * любопытный. Не знаешь, что в нем преобладает — тупота или распутство мысли, коварство или мальчишество, злоба или потребность нагадить везде, где нет присмотра⁵.

Весь ваш П. Анненков

¹ Речь идет о первой главе «Детство и юношеские годы» монографии Пыпина, появившейся в мартовской книжке «Вестника Европы» 1874 г. (стр. 205—230).

² В статье Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» («Современник», 1847, № 1, отд. II, стр. 1—52) излагалась точка зрения на государственную деятельность Ивана IV (борьба с родовым дворянством), близкая к высказываниям Белинского по этому вопросу (см. статью Н. И. Мордовченко «Иван Грозный в оценках Белинского». — «Звезда», 1945, № 10-11, стр. 183—191).

³ Эта характеристика Белинского как застенчивого человека и в то же время оратора и трибуна полностью совпадает с портретом критика в «Былом и думах» Герцена (ч. IV, гл. XXV).

⁴ В 1-й книге «Русского архива» 1874 г. было опубликовано пятьдесят писем Пушкина к П. А. Вяземскому и одно письмо Вяземского к Пушкину (стр. 113—174 и 419—450).

⁵ Анненков имеет в виду статью В. Г. Авсеенко «Новое слово старой критики», напечатанную (за подписью: г. А.) в «Русском вестнике», 1874, № 2, стр. 802—830 и № 3, стр. 431—464. В ней Авсеенко с реакционных позиций обрушился на монографию Анненкова «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» (опубликованную в «Вестнике Европы» за 1873—1874 гг.). Тургенев писал 15/27 марта 1874 г. М. М. Стасюлевичу: «...что это за омерзительная статья в „Русском вестнике“ г-а А. (Авсеенко?) об анненковском этюде? Это перебулгарило Булгарина, перекатковило Каткова — outhérods Herod! ** Г. А. напоминает мне изречение Ривароля: Il fait tache sur la boue***» («М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. III. СПб., 1912, стр. 40).

* экземпляр, образчик (от франц. «spécimen»).

** переиродило Ирода (англ. — Цитата из «Гамлета» Шекспира, д. III, сцена 2).

*** он сделал пятно на грязи (франц.).

12 апреля н. с. 1874 г. Ницца.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Вы теперь получили мои письма Белинского, но не знаю — какое впечатление произвели они на вас, так как они принадлежат к числу приспособленных к почте, а потом к числу не совсем благосклонных

П. В. АННЕНКОВ

Фотография, 1860-е гг.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

к помехам, какие могли отвлечь тогдашние идеи о реформах от задачи освобождения крестьян, стоявшей на очереди. При свете исторической обстановки они все-таки, может быть, покажутся вам любопытными и имеющими своего рода значение¹.

Я еще должен вам ответить на вопрос, что была Москва до 1838 года. Я мало знаю это время, да и отделенный от всех моих заметок и от возможности справок, могу спутать имена и года, как и было уже с Чистяковым, переделанным мною в Чистовича², но, несмотря на эту опасность, все-таки скажу, что знаю — или думаю знать. Вы уже сами проверите мои слова и прикиньте к ним критический аршин. Первый человек из московского кружка, встреченный мною в 1839 г. — был В. П. Боткин. На нем отражался хорошо и весь кружок. Я застал его в садовой беседке

его дома (на Маросейке), окруженного множеством изданий Шекспира, — а через день встретил на улице с «Hallische Jahrbücher»³ в руках, спешащего в лавку, где он был приказчиком у своего отца. Личность эта тогда представлялась замечательной и симпатичной в высшей степени. Никогда Боткин не делал так много добра, как в то время, когда почти ничего не имел или имел очень мало, да и в нравственном смысле никто более его не торопился навстречу каждому трудящемуся с книгой, вычитанным пособием и ободрением. Уже гораздо позднее обнаружилась его настоящая природа — помесь купеческого распушества с душевной мелкотой и с художническими инстинктами, что и сделало из него тип грека перикловой эпохи, помноженного на московского гостинодворца третьей руки и дополненного шопенгауеровской ненавистью к зверю — толпе и народу.

Но тогда Боткин был весь аспирация в *горния* мысли, поэзии, чувства, и ею отзывались его разговоры и поступки, так что он становился хорошим представителем своего круга. Олимп, куда люди его стремились, состоял из множества богов, как вам известно, но главной задачей их было все-таки просто-напросто спастись от тогдашнего общества и порядка. Они спасались, как аскеты любого монастыря, но, спасая себя, они спасли мимоходом и общественную мысль, начинавшую загроубевать в петербургской литературе булгариных и сенковских, да и в других сферах. Целей (особенно политических) они не имели никаких; дело было чисто личное, что и объясняет существование в этом круге рядом с развитыми личностями пустейших индивидуумов, вроде Почек, Бееров, Ефремовых⁴ и т. д. Спасаться может всякий, — и желающего спастись, кто бы он ни был, нельзя не принять в братство, устроенное для самосохранения. Тут даже является наклонность отыскивать знаменательные черты в неофите и возвеличивать его: так оно и было. Белинский тоже спасался, но на свой манер: он присоединял к идеалам, которыми упивались друзья — ненависть к окружающему и торжествующему миру. Станкевич говорил, что никто так *сочно* не произносит ругательств, как Белинский (и особенно фразы — *сукин сын*), и всемерно старался сгладить этот парост, но напрасно. Брат-монах так с ним и остался, несмотря на настоятеля. Природная *фурия* *, как тогда говорили, не покидала Белинского и в то время, как он состоял под влиянием *магнетизера*⁵; да она же почувствовала с первого раза свое родство с тенденцией Гоголя и споспешествовала к разложению самого круга, где Белинский воспитался, на составные части и к уничтожению его целостности — т. е. к смерти⁶. Вот в беглом очерке московская жизнь Белинского, как она мне представляется, но которую вам уже необходимо изложить и обработать в подробности, как один из любопытных фактов русской жизни вообще...

¹ О письмах Белинского к Анненкову см. прим. 2 к письму № 1.

² Об этой ошибке Анненкова — см. письмо № 2 и прим. 3 к нему.

³ «Hallische Jahrbücher» — орган левого крыла гегельянцев, издававшийся Арнольдом Руге и Эрнстом Теодором Эхтермейером в 1837—1841 гг.

⁴ Анненков имеет в виду Якова Ивановича Почеку, человека невысокого морального уровня (см. о нем «Лит. наследство», т. 56, 1950, стр. 432—433), А. П. Ефремова и К. А. Всера, приятеля и соседа молодых Бакуниных. О нем и в особенности о Ефремове см. в письмах Белинского (т. XI).

⁵ *Магнетизер* — М. А. Бакунин (см. письмо № 2).

⁶ Московский кружок Белинского в 1838—1839 гг. составляли его друзья: М. А. Бакунин, В. П. Боткин и И. П. Ключников. О причинах распада кружка Белинский рассказывает в письме к Н. В. Станкевичу от 29 сентября — 8 октября 1839 г. (XI, 376—412).

* ярость, неистовство (от итал. «furioso»).

3 июля н. с. <1874 г.> Баден-Баден.

...Я прочел в июньской книжке «Вестника Европы» продолжение вашей статьи о Белинском и пришел к заключению, мелькавшему и прежде в моей голове, что для составления порядочной биографии известного лица — надо иметь счастье не знаять его при жизни. Ния и никто другой, находившийся в близких сношениях с Белинским, не в состоянии был бы (не говоря уже о разнице в размерах мысли, таланта и познаний) писать о нем так объективно, хладнокровно и вместе так сочувственно. Горячие воспоминания беспрестанным своим приливом к мозгу сбили бы его непременно с тона и с толку. Примите особенную благодарность за вашу мысль о том, что консервативная теория Белинского 1840 г. стояла выше разодранных протестов прежнего времени, потому что представляла уже систему, из которой мог быть выход, между тем, как из порывов и стремлений никакого выхода не бывает. Эта мысль принадлежит к разряду редких у нас, действительно *независимых* мыслей. Возражение Скабичевскому тоже замечательно¹. Когда я читал его очень умную и талантливую статью, мне все казалось, что это переложение какой-то чужой истории на наши нравы, как это делают наши водевилисты, заменяя французских Лиодоров — Леонтьевыми и т. д. Я решительно не имею ни одного замечания под рукой на эту главу вашего труда, кроме разве одного, но опять не от вас зависело отстранить его наперед. Все лица московского кружка 30-х годов, конечно, имели одинаковое настроение и шли по одному пути, но каждый имел свою походку и думал по-своему. Тут они как-то все на одно лицо. Станкевич, например, обладал замечательным юмором, еще и не зная этого слова, а между тем это помогало ему останавливаться в раздумье перед всякой эксцентричностью, философской или другой, чего уже не знал тогдашний наш магнетизер, М. Бакунин. Он вовсе не имел юмора, да не имел и страстей, добывая их, как и все другое, головным путем, а потому и морализировал постоянно и, надо сказать, великолепно, не ужасаясь никаких античеловеческих и противоестественных тем, как, например, темы о необходимости страдания для воспитания своего духа. Боткин очень был силен в искусстве всецело, с упоением предаваться добытому созерцанию и с пронизательностью браковщика находить в нем стороны, поддерживающие энтузиазм, между тем, как Белинский, никогда не отделяясь от основных идей кружка, беспрестанно задавал ему тяжелые работы своими бунтами против той или другой из них. Вспомните, что прежде эстетика Фишера он, например, объявил II часть «Фауста» туманным произведением, не имеющим никаких отношений к поэзии и искусству. К ужасу друзей, считавших часть сию венцом художническо-философского творчества (см., если не вру, в «Воспоминаниях» Панаева)². Вот эти-то отличия людей, одинаково настроенных, и любопытно было бы развить, что при громадном материале, вами собранном, вам легко сделать, как вы и обещаете впрочем. Но условия, ох — условия журналистики!.. Тут и конец соображениям всякого рода...

Из пяти вопросных пунктов ваших на некоторые я отвечать не в состоянии³. Вспомните, что, будучи от малых ногтей петербургской косточкой, я только с 1838 г., т. е. с появления Белинского в Петербурге⁴, получил понятие о московском кружке и впоследствии введен был в него, когда его развитие уже кончилось и многие тогда люди хотели позабыть и неохотно приводили себе на память. Вот почему ни о внутренних делах тверского семейства⁵, ни о Ключникове почти ничего сказать не умею, но все, что знаю и что мне известно, по остальным пунктам будет мною изложено откровенно и вам в свое время сообщено.

Еще раз поблагодарю вас за статью. То же вам будет выражать и публика, но я имею еще и личные причины, кроме общих, быть ею довольным и обязанным.

П. Анненков

¹ В июньской книжке «Вестника Европы» была напечатана III глава монографии Пыпина — «Кружок Станкевича; „Телескоп“» (стр. 573—625. — О систематическом взгляде Белинского — стр. 594). В ней Пыпин возражал А. М. Скабичевскому против его тенденциозной характеристики, данной Станкевичу, как самоуслаждающемуся баричу, примиряющемуся со всем существующим. Белинский, по мнению Скабичевского, в кружке Станкевича переживал временное заблуждение, отвлеченный от своего настоящего пути (Скабичевский). Очерки умственного развития нашего общества. 1825—1860. Н. А. Полевой, В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов и их сподвижники. Глава VII. — «Отечественные записки», 1871, № 2, стр. 337—357). Пыпин оттенил положительную сторону эстетических и философских взглядов Станкевича, повлиявших на Белинского. Здесь же он хорошо отзывался о биографии Станкевича, принадлежащей перу Анненкова (стр. 594—599).

² Белинский писал И. И. Панаеву 19 августа 1839 г.: «Еще давно, пропущо осенью, узнавши нечто из содержания 2-й ч. „Фауста“, я с свойственною мне откровенностью и громогласностью провозгласил, что она 2-я ч. не поэзия, а сухая, мертвая, гнилая символика и аллегорика. Сперва на меня смотрели как на богохульника, а потом, как на безумца, который врет, что ему взбредется в праздную голову». Далее он излагал статьи Фишера «Die Litteratur über Göthes Faust» («Hallische Jahrbücher», январь—март 1839 г.), взгляды которого совершенно совпадали с его взглядами. Это письмо Белинского Панаев опубликовал в своем «Воспоминании о Белинском». — «Современник», 1860, № 1, стр. 347—350 (XI, 373).

³ «Пять вопросов пунктов» Пыпина заключались в его письме к Анненкову от 26 мая 1874 г. Приводим их: «Несмотря на мой довольно значительный материал писем Белинского, мне не совсем ясны некоторые личные отношения; мне хотелось бы выяснить их себе, не для того, чтобы об них писать (многого писать еще нельзя, по разным отношениям), но „биографу нужно все знать“, по вашему справедливому замечанию, — и если б вы дали мне таким же конфиденциальным образом ваши ответы, как я пишу свои вопросы, вы сделали бы мне большое одолжение. Мое изложение в деликатных пунктах, конечно, осталось бы только общим и приблизительным; но, по крайней мере, я мог бы в оттенках выражений дать верный *тон* своему рассказу.

Во-первых, мне все еще несколько темны отношения Белинского к М. А. Бакунину. Многое мне видно по письмам Белинского к Бакунину, которые мне переданы семейством последнего, но письма очевидно не все, — вероятно не все и сохранились. Многие деликатные вопросы затронуты и в этих письмах и делается много намеков, но мне, конечно, хочется *фактов* — о роли Бакунина в семье, об отношениях Станкевича к Люб. Бакуниной (1838) и проч. 2, что за личность был собственно Ключников, какая была его особенная болезнь, от которой он страдал в это время, какие бывали с ним „экстазы“ и пр. 3. Женитьба Белинского — пункт опять очень деликатный, и сведения нужны только для моего собственного ведома — о прежней жизни и характере М. В., пребывании в доме Лажечникова etc. etc. 4. Отношения Белинского с Катковым, которым Белинский одно время и даже долгое время (до поездки Каткова за границу) чрезвычайно восхищался. 5. Ссора Белинского с Краевским и положение в „Современнике“ — опять не для печати. В находящейся у меня переписке есть данные и для этого пункта, есть разные рассказы, есть между прочим самые крайние обвинения против Некрасова (слышанные в Москве), — но все это мне хотелось бы точнее проверить.

В моем изложении (теперь у меня написана уже 4-я статья, — почти до переезда Белинского в Петербург), найдутся, конечно, подробности (из переписки) новые и для вас; но такие подробности, взятые из писем. вы могли бы еще осветить внешне — фактическими дополнениями, и имея их, я мог бы впоследствии исправить мое изложение для отдельного издания, какое надеюсь сделать. — Но это впоследствии, а теперь, если бы вы нашли досуг сделать мне просимые заметки (которые могли бы передат для доставления мне Михаилу Матвеевичу <Стасюлевичу>), вы очень помогли бы моей работе.

Пишу наскорю и безобразно, торопясь отдать письмо. Думается мне, что вы понимаете совершенно мой интерес к этому делу, и потому не опасаясь вам надоесть. — Сделайте, что возможно.

Переписки Белинского у меня собралось теперь почти тома на четыре средней величины; но издание ее, я убедился в этом, еще невозможно в настоящее время — хотя и нет в ней многого, что было вероятно еще более любопытно и характерно, чем то, что уцелело.

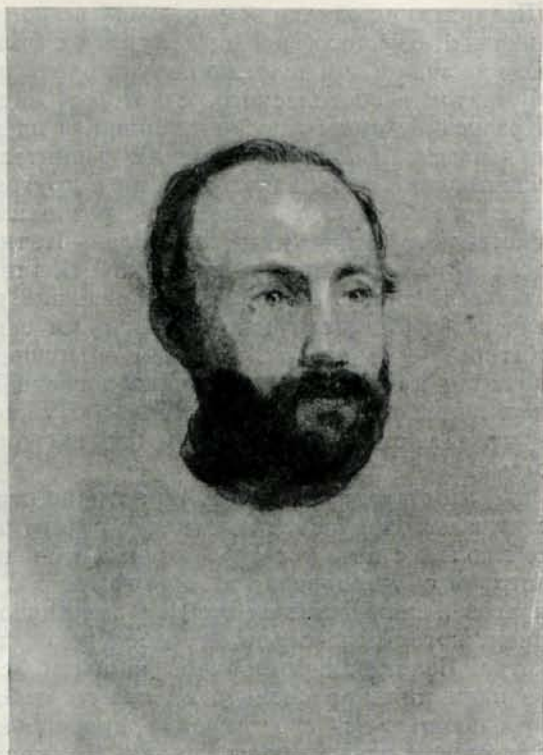
Стасюлевич надеется сам видетсья с вами: быть может, вы поговорите с ним и о моих работах; он расскажет вам, как трудно теперь писать что-нибудь и как проблематична

В. П. БОТКИН

Анварель К. А. Горбунова, начало
1840-х гг.

Возможно, что именно об этом портрете Белинский писал Боткину: «Портрет твой удался, ты на нем, как живой....»
(Из письма от 8 сентября 1841 г.)

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

становится вообще всякая литература» (ИРЛИ. 5695, XXIX б. 56, лл. 10—11; частично опубликовано в «Лит. наследстве», т. 56, стр. 307).

⁴ Здесь память изменила Анненкову, — Белинский переехал в Петербург из Москвы в 20-х числах октября 1839 г.

⁵ Тверское семейство — Бакунины, жившие в своем имении Премухино в Тверской губернии.

6

12 июля н. с. <1874 г.> Баден-Баден.

Настоящим моим письмом, многоуважаемый Александр Николаевич, я отвечаю на те из ваших вопросных пунктов, которые мне ближе других известны.

1) Разрыв Белинского с Катковым произошел чрезвычайно быстро. Катков, ожесточенно преследовавший Белинского в Петербурге за его патриотические статьи, превратился в шеллингириста, как только ступил на почву Берлина, куда *прибыл со мной* в октябре 1840. При отправлении нашем из Петербурга Белинский отзывался мне еще очень симпатично о Каткове, поручая, между прочим, употребить все усилия для предотвращения дуэли между ним, Катковым, и Бакуниным, которая, вследствие какой-то московской ссоры или лучше драки, назначена была ими в Берлине и в которой я, кажется, предназначался играть роль секунданта одной стороны (катковской). К счастью, по взаимному предрасположению врагов к сделке, дуэль не состоялась. Переворот в Белинском относительно Каткова произошел уже без меня, но вот что я слышал впоследствии. Катков, не посылая ничего в редакцию «Отечественных записок», требовал от нее настоятельно новых жертв и постоянного содержания, давая разуместь, что от него зависит сообщить журналу особенный смысл и выражение. При этом, как кажется, подразумевалась все та же система

Шеллинга, но однако ж не старая, знакомая Белинскому, а новая, второго периода, с философией мифологии и с философией откровения. Белинский еще не знал в чем дело, но почуял опять пророка и вещателя в Каткове — и притом деспотического, с которым надо будет долго раздельваться. Краевский, ничего не понимавший в идеях, но очень много понимавший в деньгах, Панаев, тогдашний ревнитель «Отечественных записок», не понимавший ничего ни в том, ни в другом, находились в недоумении, из которого их вывел Белинский, резко выразивший свое негодование на умственные и денежные претензии Каткова. Так и произошел разрыв, а за ним и для подкрепления его Белинский посмотрел уже назад, на статьи Каткова, ему предшествовавшие, и убедился, что для новой эстетическо-публицистической дороги, им самим теперь проходимой, потеря Каткова — не потеря. Вот чем объясняется и резкое слово Белинского почти на другой день появления последней статьи Каткова в «Отечественных записках» «Сарра Толстая». — «Нужно же ему было сперва нагадить в журнале статьей, а потом уехать за границу» (от свидетеля, слышавшего отзыв)¹.

2) Постараюсь говорить об истории основания «Современника» и о участии в ней Некрасова как можно объективнее. Эта история есть оригинал той копии с нее, которая позднее и очень еще недавно явилась в форме истории с Антоновичем и Жуковским². С коммерческой точки зрения Некрасов непогрешим: он *купил* у Белинского весь тот литературный материал, который выслал ему московские и другие друзья для альманаха, когда Белинский разорвал, наконец, с «Отечественными записками», не видя никакого исхода из своего положения рабочего при журнале, проедающего все свое скудное жалованье, — это еще при умножающемся семействе и оскудевающих силах. Но, кроме *купи*, были еще и нравственные условия, и тут дело становится уже менее ясным. Положено было именно с помощью приобретенного материала начать издание нового журнала, в котором Белинский был бы главным хозяином и как таковой получал бы, кроме платы за статьи, и известную часть имеющего образоваться дохода. При этом, однако ж, поставлено было непременно условием, чтобы все московские друзья Белинского (Герцен, Грановский, Кавелин, и проч.) покинули редакцию «Отечественных записок» и формально заявили о своем переходе в новый журнал: для этого и нужно было поставить во главе его имя Белинского и подвигнуть последнего на настоятельные требования этой меры от друзей. Однако же московские и петербургские идеалисты показали при сем случае гораздо более практического смысла и проницательности, чем от них ожидали: они не хотели уничтожения *одного* либерального органа в пользу другого, еще не определившегося идумали, что они оба могут существовать одновременно, а относительно *нравственного* вопроса не усматривали большого различия между Краевским и Некрасовым. Так мало желали они гибели «Отечественных записок», что на другой, так сказать, день выхода из редакции Белинского — они уже думали об отыскании журналу, взамен потерянного критика, — нового, способного держать знамя независимого мышления. Человек, введший в редакцию «Отечественных записок» покойного Майкова, был не кто другой, как И. С. Тургенев — горячий друг Белинского и самого Некрасова. Когда все переговоры и убеждения первого не достигли у его друзей никаких результатов, то и главенство его в журнале и все прочие условия отошли мало-помалу в область фикций, каковыми они были и первоначально. Вы слышали большие ругательства на Некрасова в Москве: они объясняются именно этим родом дела. Белинский оказался таким же чернорабочим в новом журнале, каким был и в старом: отсюда и вопли негодования у людей, слышавших заявления и обещания совсем другого рода. Может быть, иначе и нельзя было: Некрасову приходилось платить

ренту Плетневу, журнал на первых порах приносил мало и уже начинал поедать все состояние Панаева (какие жалобы на свое вмешательство в литературу приходилось мне слышать около 1848 от него, когда состояния уже не было), но худшее состояло в том, что Белинский под конец жизни не только не имел своего органа, но и третировался уже *свысока* теми, которым дал жизнь³. Новая редакция не хотела и слышать об изменившихся отношениях Белинского к нашему славянофильству, к которому он, как будто, склонялся, начиная думать, что благожелательное изучение народных стремлений и воззрений может быть орудием либерализма не хуже многих других орудий, — ей это казалось отступничеством⁴. Многие из его заметок она вовсе не принимала. В Зальцбрунне Белинский мне жаловался, что она отвергла или поправила (хорошенько не помню) его рецензию на «Воспоминания Булгарина». «Видите, — говорил он, — я уже не вправе в моем журнале сказать, что первая часть Булгарина, где он рассказывает, как капитаны 1-го кадетского корпуса, директора, инспектора и все предрежащие власти драли его и других детей просто из потехи, — любопытна и занимательна⁵. Вы бы ее прочли с интересом и проч.». Новой редакции эта похвала Булгарину казалась оскорблением ветхозаветного кодекса либерализма. Много согрешил при этом *формально*-передовом настроении редакции Боткин, утверждавший ее в решимости сохранять строго все предания журналистики старого времени, Белинским же и утвержденной. Боткин даже просто советовал *не* печатать последних «обозрений» Белинского, говоря — «нельзя же из уважения к прошлому принимать все марадания окончательно исписавшегося и выдохшегося господина»⁶. Таким образом, Белинский и умер пролетарием в двойном смысле — и в материальном и в нравственном, ибо теперь нажил еще и опекунов — строгих патронов в лице редакции, чего не знал с «Отечественными записками». Не мудрено, что вопли негодования и осуждения, тогда возникшие у друзей Белинского против Некрасова, раздаются еще и теперь, да они пробьются и в потомство, как мне кажется.

Об остальном, что еще вспомнится, буду писать по почте. Прощайте.

П. А н н е н к о в

Июль 1874.

¹ Эволюцию отношения Белинского к молодому Каткову от восторга до полного разрыва можно проследить по письмам критика к Боткину с осени 1839 г. до февраля 1843 г. (тг. XI и XII). — Статья Каткова о «Сочинениях» Сарры Толстой была напечатана в октябрьской книжке «Отечественных записок» 1840 г. В пору ее появления Белинский еще некритически принимал «Эстетику» Гегеля, популяризируемую Катковым в этой статье. Развенчание Каткова и его статьи о Толстой ярко выражено в письме Белинского к Боткину от 30 декабря 1840 г. — 22 января 1841 г. (XII, 11).

Намечавшаяся и несостоявшаяся дуэль между Бакуниным и Катковым была вызвана крупной ссорой их на квартире Белинского в начале августа 1840 г. Катков дал пощечину Бакунину за его сплетни о романе Каткова с М. Л. Огаревой (см. описание этой сцены в письме Белинского к Боткину от 12—16 августа 1840 г. — XI, 541—544).

² Анненков был плохо осведомлен об истории, происшедшей у М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского с Некрасовым. В 1867 г. при организации новой редакции «Отечественных записок», купленных Некрасовым у Краевского, Жуковский и Антонович, старые сотрудники «Современника», отказались вступить в новую редакцию якобы из-за материальных расхождений с Некрасовым. На самом же деле этот конфликт имел не материальную, а другую подоплеку: Некрасов не выполнил пожеланий своих товарищей под нажимом Министерства внутренних дел, потребовавшего устранения их от участия в «Отечественных записках» (подробно см. об этом в статье: Б. В. П а п к о в с к и й и С. А. М а к а ш и н. Некрасов и литературная политика самодержавия. — «Лит. наследство», т. 49-50, 1949, стр. 442—452).

³ Мнение Анненкова о недостаточно корректном отношении Некрасова к интересам Белинского, моральным и материальным, при организации «Современника» в 1847 г., разделяли все друзья критика. Попытки Белинского оправдать Некрасова не имели у них никакого успеха (см. письма Белинского, в частности, к Тургеневу от

19 февраля 1847 г. и к Боткину от 4—8 ноября 1847 г. и наш комментарий к ним — XII, 333—336, 403—422, 551, 563).

⁴ Об отношении Белинского к славянофильству — см. следующее письмо.

⁵ Речь идет о положительной рецензии Белинского на книгу «Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Часть третья. СПб., 1847». В своем отзыве Белинский выдвигает правило, принятое редакцией «Современника», судить беспристрастно и «иметь дело только с книгами и мнениями, а не с авторами и липами». Статья эта была напечатана в № 2 «Современника» 1847 г. (без подписи) в сильно измененном и сокращенном виде. По рукописи (ныне утраченной) текст восстановлен впервые Н. Х. Кетчером в Собр. соч. Белинского, 1859 г. (ч. XI, стр. 115; ср. Б е л и н с к и й, т. X, стр. 85—87; текст «Современника» — см. там же, стр. 413—414). Редактор десятого тома сочинений Белинского издания Академии наук Е. И. Кыйко, говоря, что установить кто перedelывал статью не удалось, заявляет: «О том, что статья могла быть перделана в редакции помимо воли Белинского, очень неопределенно пишет в своих воспоминаниях П. В. Анненков (см. «Литературные воспоминания», 1928, стр. 556—557). Необходимо, однако, отметить, что эта часть воспоминаний Анненкова о редакционных делах «Современника» написана им не по личным впечатлениям, так как он сам в это время жил за границей» (X, 440). Е. И. Кыйко не права: во-первых, Анненков в «Замечательном десятилетии» пишет вполне определенно («они» <соредакторы Белинского> напечатали статью, уже переработав и переиначив ее до неузнаваемости); во-вторых, Е. И. Кыйко недооценила компетентности Анненкова, не только переписывавшегося с Белинским, но и *жившего с ним вместе* в Зальцбрунне и Париже с 29 мая/10 июня по 11/23 сентября 1847 г.

⁶ Отношение к Белинскому как к деятелю, уже сходящему со сцены, Боткин ярко выразил в письме к Краевскому от 3 апреля 1847 г.: «Скажу вам по секрету, я считаю литературное поприще Белинского поконченным» («Отчет Публичной библиотеки за 1889 г.». СПб., 1893, прилож., стр. 79).

7

25 октября н. с. 1874 г. Баден-Баден.

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Я еще не видал вашей последней статьи, а между тем откладывать ответа на ваши вопросы далее не могу и не желаю¹. Относительно отзывов Боткина о Белинском скажу вам следующее. В характере того времени вообще была нецеремонность обращения с самолюбиями друзей и приятелей, что добрых отношений между ними не нарушало, может быть, потому, что каждый имел в виду возможность вознаградить себя при случае на первом ближнем человеке. Это казалось даже доблестию некоторого рода: Грановский очень строго отзывался о Белинском, по временам; Белинский часто горько подсмеивался над Грановским, а об Искандере и говорить нечего: почти никто и не отходил от него без раны. Таков был тон, но благорасположению и сочувствию друзей он не мешал. Они любили друг друга. Как-то зло и взыскательно, а всех более по капризности своей природы, отличался Боткин этими переходами от нежности к диффамации. Так как общая психическая черта времени являлась у него уже в карикатуре, то и порождала уморительные рассказы об одновременном плеваньи и целовании, которые он производил на одном и том же лице. Но мое сообщение об его отзыве не принадлежит к анекдотам. Боткин действительно много помог Белинскому при отъезде последнего за границу, открыв у себя подписку для этой цели, и тот же Боткин, при получении *последнего* обозрения русской литературы, написанного Белинским для «Современника», разразился теми словами и вообще тем презрением, о которых я упоминал. Тут есть живой свидетель, именно Некрасов, который и слышал все его филиппики и поощрения не слушаться одряхлевшего писателя. Можно спросить у этого свидетеля, если нужно, но вообще никакой вражды между двумя старыми приятелями при этом не было. Весь этот круг держал вражду про запас только для подлецов, негодяев, гасителей и притеснителей всякого рода².

О наклонности к славянофильству Белинского имею сказать следующее. Меня изумило и отчасти даже смутило ваше известие, что вы не имее

понятия и в первый раз слышите об этом факте, тогда как я думал, что это дело общеизвестное и отражается в последних статьях, разборах и обозрениях Белинского. Не то чтоб он почуствовал симпатии к какой-либо части воззрений и решений славянофильства, но он признал, что самая задача их — выставить вперед народ, хотя бы и мечтательный, и заслониться им — правильна. Когда мы выехали с ним из Зальцбрунна в Париж в 1847 г., — там вопрос этот подымался в обычном нашем кругу весьма часто и всегда по инициативе Белинского. Говорилось тогда многое и именно, что за славянами есть кое-что, а за западниками, кроме Европы, ничего нет, а Европа на русской почве имеет значение не выше шиша (не надо забывать времени бесед). Славяне имеют фальшивый вид вооруженных людей, а западники совершенно истинный вид нищих, с пустыми руками. И первое казалось лучше. Искандер повторял в разных видах свою любимую мысль, что покуда западники не завладеют со своей точки зрения всеми вопросами, задачами и поползновениями славянофильства, — до тех пор никакого дела не делается ни в жизни, ни в литературе, с чем соглашался и Белинский, прибавляя только, что для этого прежде всего надобно, чтоб все мы, западники и славяне, перемерли до единого. И опять свидетелем наклонности Белинского к славянской идееставляю Некрасова; он тогда, помнится, жаловался на эту примесь в деятельности критика. Вопрос до того любопытен для меня самого, что очень бы хотелось знать, к каким результатам по поводу его придете вы сами? А решить его надо³.

П. Анненков

¹ Последняя статья Пыпина — IV глава монографии Белинского — «Гегельянство». — «Вестник Европы», 1874, № 10, стр. 469—541.

Вопросы Пыпина заключались в его письме к Анненкову от 23 сентября 1874 г.: «Мне хотелось бы, во-первых, ближайших указаний о том, в чем состояло то изменение понятий у Белинского в последнее время, — вследствие которого он, по вашим словам, как будто склонялся к славянофильству. Эта черта кажется мне чрезвычайно интересной, и если мне придется упоминать о ней (как, вероятно, и придется), мне не хотелось бы оставаться при одном общем, голословном указании. Если бы вы могли прибавить несколько подробностей, примеров, — это было бы для меня очень важно.

Совершенной новостью для <меня> были ваши упоминания о роли Боткина за то же последнее время; я очень бы желал также несколько лишних подробностей об этом (т. е. о его патронстве над Белинским, его отайвах о нем, как об „исписавшемся и выдохшемся“ господине). Я этого ничего не знал, и только от вас могу теперь узнать это. Я представлял себе эти отношения иначе. Мне казалось, что Белинский оставался с ним в дружеских отношениях, и я знал два пункта некоторого разногласия: 1) Мне рассказывали, что Боткин по возвращении своим из-за границы (кажется в конце 1846 или начале 1847) произвел на Белинского не весьма приятное личное впечатление, так как (говорили мне) в Боткине уже сквозил взгляд на вещи, развившийся впоследствии известным образом, т. е. буржуазный или лавочнический консерватизм, и известное эпикурейство, для которого и обожаемое прежде искусство служило лишним дополнением. 2) Боткин после возникновения „Современника“ продолжал писать в „Отечественные записки“, и Белинский писал к нему известное большое письмо [...]. Затем мне казалось, что Боткин сохранял к нему прежнее расположение, например, помог отчасти его путешествию за границу» («Лит. наследство», т. 57, стр. 307).

² Анненков верно охарактеризовал взаимоотношения Белинского с Боткиным. Несмотря на резкие высказывания Боткина о последних статьях Белинского, старая дружба их не поколебалась. Боткин действительно собрал 2000 рублей на поездку Белинского за границу (см. письмо Белинского к Боткину от 4—8 ноября 1847 г.).

«Последнее обозрение» Белинского — «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

³ Анненков несколько ограниченно рассматривает симпатии Белинского к славянофильству. Белинский, как и Герцен, один из способов борьбы с самодержавием видел в развитии народного самосознания, что и сближало иногда его взгляды с некоторыми положениями славянофилов. Ключ к этим настроениям находим в строках письма Белинского к Кавелину от 22 ноября 1847 г.: «Вы обвиняете меня в славянофильстве. Это не совсем неосновательно; но только и в этом отношении я с вами едва ли расхожусь. Как и вы, я люблю русского человека и верю великой будущности России. Но, как и вы, я ничего не строю на основании этой любви и этой веры, не употребляю.

их как неопровержимые доказательства»; «Терпеть не могу восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше», «но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве. Как бы ни уверяли они себя, что живут интересами той или другой, по их мнению, представляющей человечество страны,—не верю я их интересам» и т. д. (XII, 433). К официальному славянофильству же отношение Белинского оставалось до конца неизменно отрицательным. Оно определенно выражено в одной из его последних установочных статей «Ответ „Москвитянину“».

8

2 ноября н. с. (1874 г.) Баден-Баден.

Я недавно отправил вам, Александр Николаевич, одно письмо, а теперь принимаюсь снова за перо. Я получил оттиск последней вашей статьи и под ее влиянием пишу к вам. Многое из рассказанного в ней мне было знакомо, но как знакомо? Почти так, как иному ревностному посетителю чтений в Соляном городке делается знакома история мира по туманным картинам, которые в нем представляются. Все эти убегающие образы вы превратили в ясные, живые идеи, осязательные до того, что, кажется, можно их нащупать руками, а сколько неверных изъяснений, догадок, предположений, более или менее азартных и неразумных, отстранили вы мимоходом. Я наслаждался чтением вашей статьи, как давно не наслаждался, разбирая буквы и строки русской печатной книги. Прошу не принять этого выражения за комплимент и лесть. Я уже настолько стар и настолько вольная птица, что не имею нужды врать на себя или подкупать кого-либо враньем моим. И мнение мое, теперь высказываемое, — вызвано столько же великолепной, драгоценной коллекцией материалов биографических, употребленных вами в дело, сколько и вашим личным способом их толкования, группировки, освещения. В целом по всей этой биографии мелькают лучи, озаряющие душу Белинского до самых тайных ее уголков и извилов. По прочтении ее, однако ж, я почувствовал в себе возникновение претензии на вас, добрейший Александр Николаевич. Как можно было, обладая таким сокровищем материалов, обращаться за сведениями к человеку, наполовину растерявшему свои воспоминания или не собравшему их в своем мозгу? С последней страницей этого превосходного очерка, мне сделалось положительно стыдно за свои сообщения, за пустые черты или не идущие к лицам, о которых говорится, или идущие мимо их к другим, о которых не говорится. Вся моя корреспонденция с вами, перед вашей биографической постройкой — показалась мне гадким, вертопрашным фельетоном, бросающимся в разные стороны, из которых ни одной не знает даже и приблизительно. И вы бы мне сделали большое одолжение, если бы ее истребили. Я полагаю, что то же должны вам сказать теперь и все другие современники Белинского, с которыми вы входили в сношения.

Да, Александр Николаевич, кончайте ваш труд. Задачу сделаться историком своего века — вы разрешаете при данных обстоятельствах и условиях жизни так, как она может быть только разрешена.

Весь ваш П. Анненков

В эти же дни, 24 октября/5] ноября 1874 г. Анненков писал Тургеневу: «Пыпин дал наилюбопытнейшую переписку Белинского, которая так и бьет своей правдой. Вот был господин, который себя отпечатывал в каждой букве письма и в каждом слове разговора. Отпечатки эти подобраны очень ловко Пыпиным и составили такую физиономию, что оторваться нельзя. Повеяло ли и на вас от статьи этим послушным и ярким гением, кротким и бурным в одно время, которого мы знали?

Я благодарил Пыпина за произведенное им воскрешение мертвеца, который почти поцеловался со мной из его статьи» (неизд.— ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 10).